

- [14] *Kostyleva N. E.* Innovacionnye metoda povysheniya konkurentosposobnosti gorodov i regionov. SPb.: IREH RAN, 2005. 243 s.
- [15] *Kuznecov S. V., Lachininskij S. S., Zamyatina M. F., Mezhevich N. M., Fesenko R. S., Ahobadze D. T., Nikiforova L. Yu., Dzhanelidze M. G., Zhuk N. P.* Kompleksnyj mekhanizm restruktizacii monoprofil'nyh gorodov arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii // Rossijskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya / Pod red. A. I. Tatarkina. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 844 s., il. [Seriya: Rossiya v Arktike: istoriya, sovremennost', perspektivy]. S. 712—802.
- [16] Nazad v Arkticheskoe budushchee. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 24 yanvarya 2018 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://spbvedomosti.ru/news/ekonomika/nazad_v_nbsp_arkticheskoe_budushchee/ (data obrashcheniya 24.01.18).
- [17] Opredelenie tipologii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://gtmarket.ru/concepts/6846> (data obrashcheniya 12.01.18).
- [18] Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya 15.12.17).
- [19] Postanovlenie pravitel'stva ot 31 avgusta 2017 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71662010/> (data obrashcheniya 20.12.17).
- [20] *Romashkina G. D., Didenko N. I., Skripnyuk D. F.* Social'no-ehkonomicheskaya modernizaciya Rossii i ee arkticheskikh regionov // Problemy prognozirovaniya. 2017. N 1 (160). S. 30—40.
- [21] Sovetskij Soyuz. Geograficheskoe opisanie v 22 tomah. Vostochnaya Sibir' / Otv. red. V. V. Pokshishevskij i V. V. Vorob'ev. M.: Mysl', 1969. 493 s.
- [22] Strategicheskie priority regional'nogo razvitiya: ot teorii k principam formirovaniya edinogo social'no-ehkonomicheskogo prostranstva / Pod red. V. V. Okrepilova. Institut problem regional'noj ehkonomiki RAN. SPb.: Nauka, 2009. 448 s.
- [23] *Shishkin A. I., Cherepovycyn A. E., Kolesnikov N. G., Kodolova T. A., Chubieva I. V., Vasil'ev A. M., D'yachkova M. A., Larichkin F. D.* Prirodno-resursnyj potencial arkticheskogo regiona // Rossijskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya / Pod red. A. I. Tatarkina. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 844 s., il. [Seriya: Rossiya v Arktike: istoriya, sovremennost', perspektivy]. S. 223—287.

DOI: 10.7868/S0869607118050067

Изв. РГО. 2018. Т. 150, вып. 5

ДЕТЕРМИНАЦИИ ЛАНДШАФТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕТЕРМИНАЦИЙ ПРОСТРАНСТВА (ЧИТАЯ МАТРИЦУ ХАРВИ)

© Д. В. ЧЕРНЫХ

Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул, Россия
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
E-mail: chernykhd@mail.ru

Ландшафтная концепция — одна из наиболее привлекательных форм представления пространственно распределенной информации. В отечественной науке долгое время термин «ландшафт» был «закреплен» за ландшафтоведением, которое рассматривалось как раздел физической географии. Сейчас становится очевидным, что понятие ландшафта — общекультурное, а научное понимание — только часть общекультурного. Сделана попытка «пропустить» существующие авторские

модальности в рамках ландшафтной концепции через матрицу Харви. В ней тройное разделение абсолютного, релятивного и реляционного пространства—времени позиционируется на фоне трюичного различия испытанного, концептуализированного и пережитого пространства. Рассмотрение комбинаций, возникающих в различных точках пересечения внутри матрицы, представляется полезным для понимания того, как артикулируется и развивается ландшафтная концепция.

Ключевые слова: ландшафт, пространство, модальность, матрица Харви, ландшафтная иерархия, классификация, районирование.

Введение. В отечественной науке на протяжении многих десятилетий термин «ландшафт» был «закреплен» за ландшафтоведением, которое рассматривалось как раздел физической географии. Отечественное ландшафтоведение представило миру одно из наиболее удачных и логичных представлений о ландшафте, хотя и не лишённое противоречий. Например, высказывалось мнение, что, рассматривая человека как внешний по отношению к ландшафту фактор, ландшафтоведение ограничивало возможности своего развития [21]. Внутренняя дискуссия между представителями различных школ во многом сводилась к терминологическим спорам вокруг содержания основного объекта исследования, но не выходила за рамки устоявшихся представлений, согласно которым ландшафт есть объективная реальность, состоящая из соподчиненных ландшафтных единиц меньшего ранга и взаимодействующих между собой компонентов природы. При этом дискуссии внутри ландшафтоведения не только сдерживали развитие науки, но и породили целый ряд интересных идей, многие из которых до конца не осмыслены и не доведены до логического завершения и в настоящее время. Несмотря на все имеющиеся разногласия, представители ландшафтоведения рассматривали себя внутри своего рода «братства», своеобразного «ядра» физической географии.

Как отмечалось автором ранее [34], ландшафтная концепция привлекательна и востребована в различных отраслях знания, в силу того что позволяет, опираясь на ограниченное количество постулатов, выявлять и отображать связи между объектами и явлениями разной природы. Ключевыми из этих постулатов, при всем многообразии трактовок самого термина «ландшафт», выступают три: 1) представление о послойном характере организации информации в пространстве (ключевой постулат ландшафтного анализа); 2) представление об иерархическом устройстве пространства, выстроенное на порождаемой взаимосвязанностью слоев идее упорядоченности (ключевой постулат ландшафтного синтеза); 3) представление о границах как неотъемлемом атрибуте пространства (ключевой постулат ландшафтного диагноза). Именно отмеченные три постулата и составляют фундамент ландшафтной концепции. Все остальное накладывается на них и является факультативным. Например, непринципиально, рассматривается ли человек неотъемлемым (а то и ключевым) атрибутом ландшафта или внешним по отношению к нему фактором. Не столь важно, присутствуют ли в принимаемой исследователем ландшафтной иерархии ключевые ступени или это, говоря словами Д. Л. Арманда, лестница без лестничных площадок [1]. Видимо, также стоит согласиться с В. Л. Каганским, утверждающим, что иерархии в ландшафте не универсальны [11].

Дискуссия. Существование единого и единственно верного видения ландшафта невозможно в принципе. Это в первую очередь объясняется тем, что исследователь в зависимости от исходных установок и профессиональной принадлежности, конструируя ландшафт, отдает предпочтение разным информационным слоям. Перефразируя слова В. Л. Каганского, кто-то отдает предпочтение «площади и объему», а кто-то — «понятиям и смыслам» [11]. И те и другие по-своему правы, поэтому попытки узурпировать понятие «ландшафт»

представляются бесперспективными. Казавшиеся ранее глубокими противоречия между «региональной», «общей» и «типологической» трактовками ландшафта, сформировавшиеся в XX в. в отечественном ландшафтоведении на фоне развития культурной и гуманитарной географии, кажутся сейчас не столь принципиальными. Поэтому, какими бы извращенными не казались географам-ландшафтоведам некоторые из трактовок ландшафта, следует признать, и для многих географов сегодня это уже стало очевидным, что понятие «ландшафт» — понятие общекультурное, а научное понимание — только часть общекультурного.

Если попытаться рассуждать о ландшафте концептуально, то он, на наш взгляд, должен рассматриваться в связи с такой категорией, как пространство, а ландшафтную концепцию можно обозначить как особую форму представления пространственно распределенной информации. С данным утверждением согласятся, безусловно, не все. Например, Ю. Г. Тютюнник считает, что хорологизм, «игры» с пространством налагают ограничения на метод географии и что само понятие «ландшафт» является таким же фундаментальным, как понятия «пространство» и «время» [30]. Такая точка зрения, конечно, имеет право на существование. Однако все же исключать «горизонтальное» (хорологизм) из ландшафтной концепции, ограничивая ее «вертикальным» (или радиальным, как это предлагает упомянутый автор), было бы существенным упрощением. Это сужало бы поле ландшафтных исследований; с этим не согласятся многие географы.

То, что реальное физическое пространство представляет собой систему, состоящую из отдельных взаимодействующих слоев (оболочек, геосфер), говорили еще античные философы и естествоиспытатели. И с этим согласно большинство современных географов. В последнее время на пространство в очередной раз пристальное внимание обратили гуманитарные и социальные науки. Применительно к ним даже модно стало говорить о «пространственном повороте». Такое понятие, как «социальное пространство», все чаще встречается в социологических и близких к ним исследованиях [7, 31]. При этом широко распространено мнение, что в социальном пространстве представлено множество слоев или полей: экономическое, культурное, информационное, политическое, образовательное, научное и др. Считается, что социальное пространство стремится реализоваться в физическом пространстве, становясь овеществленным социальным пространством или присвоенным физическим пространством [2]. Правда, Б. Верлен, например, предлагает разделять две формы социальных процессов — присвоение и трансформацию. По его мнению, присваивается пространство, а трансформируется природа (цит. по [31]). Это уточнение, на мой взгляд, является чрезвычайно важным. Акцент на «присвоение» либо на «трансформацию» физического пространства в значительной мере определяет то, каким образом исследователи трактуют понятие «ландшафт». Тем не менее то, что социальное пространство понимается как комбинация послойно организованной информации, сближает на современном этапе позиции социальных наук и физической географии. Можно возразить, что применительно к социальному пространству, как правило, не говорят о слоях в чистом виде, непосредственно залегающих один на другом. Но ведь и в постклассическом ландшафтоведении, признающем полиструктурность или полиморфизм пространства [13, 23, 24, 26, 33], понятие «слоя» используют более широко, иногда заменяя его на понятие «поле».

Таким образом, можно утверждать, что одной из глубинных причин столь разнообразного видения и восприятия ландшафта является неоднозначность в понимании и концептуализации самого пространства, а точнее, — пространства—времени. И здесь очень интересен подход, обозначенный при рассмотрении пространства—времени одним из авторитетнейших географов современности Дэвидом Харви (*David Harvey*). Д. Харви считает, что не может быть единого верного ответа на вопрос, что такое пространство. Ответы лежат в поле человеческих практик. Проблема верной концептуализации пространства, по его мнению, разрешается человеческой практикой, посредством обращения к ней. Он обнаруживает три основных способа понимания пространства: абсолютное, релятивное и реляционное [32].

Пространство в качестве Абсолюта является «вещью в себе», обладающей существованием, независимым от содержания. Оно фиксировано, индивидуализировано, обладает структурой, и мы регистрируем или планируем события в его рамках. Это пространство Ньютона и Декарта. В терминах геометрии — это евклидово пространство и поэтому пространство разного кадастрового картографирования и инженерных практик.

Релятивное пространство может быть понято как отношение между объектами, существующее до тех пор, пока существуют и находятся в отношении друг с другом сами объекты. Релятивное пространство ассоциируется с теорией А. Эйнштейна и неевклидовыми геометриями и релятивно в двух смыслах: 1) существует множество геометрий, из которых нам приходится выбирать; 2) пространственная рамка принципиально зависит от того, что и кем релятивизируется. Исследователь может создать различные карты релятивных местоположений посредством различения расстояний, измеренных в терминах стоимости, времени, способа передвижения. Знаменитая прямая не обязательно будет кратчайшим расстоянием между двумя точками (измеряемым в терминах времени, стоимости, затраченной энергии).

Реляционное пространство, ассоциируемое с именем Г. Лейбница, как и время, не существует вне процессов, которые его определяют. Понятие пространства встроено в процесс или внутренне ему присуще. Событие или вещь в некоторой точке пространства не могут быть поняты посредством апелляции к тому, что существует лишь в этой точке пространства.

По мнению Д. Харви, решение использовать ту или иную концепцию пространства зависит от природы исследуемого феномена. Кроме этого, Харви считает, что пространство обладает различными измерениями, которые он, заимствуя у А. Лефевра, называет материальным, концептуальным и переживаемым. *Материальное* пространство понимается как пространство опыта, открытое физическому контакту и ощущению; *концептуализированное* пространство — это понятое пространство или репрезентация пространства; *пережитое* пространство, или пространство репрезентации, — это пространство ощущений, воображения, эмоций и значений, инкорпорированное в нашу повседневную жизнь [32].

Из комбинации двух подходов к пространству Харви выстраивает матрицу, в которой пункты пересечения репрезентируют различные модальности понимания значений пространства (пространства—времени). При этом он предостерегает, что «матричное мышление» ограничивает возможности, если мы не готовы свободно и диалектически охватить мыслью все элементы матрицы одновременно.

Если попытаться пропустить существующие авторские модальности в рамках ландшафтной концепции через матрицу Харви, в которой тройное разделение абсолютного, релятивного и реляционного пространства—времени позиционируется на фоне троичного различия испытанного, концептуализированного и пережитого пространства, то можно обнаружить, что чрезвычайно разнообразные конструкции, объединенные концептом ландшафта, заполняют все без исключения ячейки матрицы (см. таблицу). Причем в каждой ячейке будет представлено по несколько позиций. Поэтому, обращаясь к такого рода анализу, предлагается ограничиться главным образом рамками представлений отечественной ландшафтной школы, привлекая доводы извне лишь в тех случаях, где это позволит нагляднее иллюстрировать тот или иной тезис.

Следует отметить, что в отечественной литературе анализу концептуальных основ учения о ландшафтах посвящен целый ряд трудов [5, 8, 22, 29, 30]. Однако анализ в предложенной системе координат ранее не выполнялся. Рассмотрение комбинаций, возникающих в различных точках пересечения внутри матрицы, представляется чрезвычайно полезным для понимания того, как артикулируется и развивается ландшафтная концепция. Это, возможно, будет иметь значение и для саморефлексии ландшафтоведов и репрезентации достижений отечественной ландшафтной школы.

Для удобства восприятия попробуем читать матрицу по горизонтали. Логично было бы предположить, что первоначально ландшафтная концепция должна была сформироваться в рамках абсолютистского механистического взгляда на объект (левый верхний угол матрицы), характеризуемого фразой «ландшафт познается в ходе полевых исследований». Однако подобное положение вещей будет существенным упрощением действительности. Вероятно, изначально на развитие ландшафтной концепции наложила отпечаток сложность объекта, его поликомпонентность. Поэтому параллельно развитие получили сразу несколько конструкций. И это неудивительно, ибо оформление концепции происходило на фоне значительного объема информации, накопленной к тому моменту человеческой практикой, естествознанием и, наконец, самой географией.

В основе всех ландшафтных представлений в рамках понимания пространства как Абсолюта (А) лежит убежденность в том, что каждый географический ландшафт есть объективная реальность и что имеется полная возможность выяснить те признаки, по которым можно опознать ландшафт на местности [27]. Апогеем абсолютистского подхода является высказывание В. П. Лидова, что любая территория состоит в конечном счете из фаций как из кирпичиков и что линейные границы фации обеспечивают строгую линейность границ любых районов более высокого ранга, вплоть до физико-географических стран [16].

Несмотря на то что абсолютное пространство — это прежде всего пространство индивидуализации, наиболее полно идее абсолютного материального пространства (А1) отвечает общая трактовка ландшафта. В качестве примера можно привести рассуждения Ф. Н. Милькова в одной из ранних его работ «Лесостепь Русской равнины...» [17]. Мильков считает, что для всех территориальных подразделений, вплоть до географической оболочки, общим является наличие ландшафтных взаимосвязей между элементами природы. Таким образом, он предлагает понимать под ландшафтом (физико-географическим ландшафтом) совокупность взаимообусловленных и взаимосвязанных предметов и явлений природы, предстающих перед нами в образе тех или иных исторически сложившихся и непрерывно развивающихся территориальных

**Отечественные концепции ландшафта
в пространственно-временной матрице Д. Харви***

	1. Материальное пространство (испытанное пространство)	2. Концептуализированное пространство (понятое пространство)	3. Пережитое пространство (пространство репрезентации)
А. Абсолютное пространство	А1. Ландшафт как конкретный территориальный выдел любого ранга. «Общая» трактовка ландшафта (Ф. Н. Мильков)	А2. Иерархическая система единиц физико-географического районирования и морфологии ландшафтов (Н. А. Солнцев, А. Г. Исаченко). Ряд геохор в двухрядной классификации В. Б. Сочавы	А3. Сакральное и эстетическое смыслонавертывание ландшафта: пейзажная трактовка, восходящая к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому
Б. Релятивное пространство (время)	Б1. Хронологическая концепция А. Геттнера. «Типологическая» трактовка ландшафта Н. А. Гвоздецкого	Б2. Типологические ландшафтные карты. Типологические ландшафтные классификации (классификация ландшафтов В. А. Николаева, ряд геомеров в двухрядной классификации геосистем В. Б. Сочавы)	Б3. Проектно-оценочное понимание: культурный — акультурный ландшафт (геоэкологическая трактовка культурного ландшафта В. А. Николаева)
В. Реляционное пространство (время)	В1. Потоки и поля (А. Ю. Ретюм). Представление о полиструктурности (полиморфизме) ландшафтной сферы. Структурное ландшафтоведение В. Н. Солнцева	В2. Факторально-динамические ряды геосистем и парциальные геосистемы В. Б. Сочавы и его школы (А. А. Краулис, В. С. Михеев и др.)	В3. Ландшафтное пространство — как сфера и универсальная культурно-историческая форма бытия культуры (В. Л. Каганский)

Примечание. * Пояснения в тексте.

подразделений географической оболочки, находящихся под воздействием человеческого общества. Из этого определения следует естественный вывод, что ландшафтные единицы любого ранга могут быть идентифицированы и индивидуализированы в ходе полевых работ.

В ту же ячейку матрицы, хотя и с некоторой натяжкой, можно заключить и региональную (индивидуальную) трактовку ландшафта. С натяжкой, потому что в ней обнаруживаются зачатки концептуализации: ландшафт — лишь одна из единиц ландшафтной иерархии. А это уже концептуализированное пространство.

Показательно, что именно индивидуализация (характерная черта абсолютного пространства) подвигала ландшафтоведов к разработке схем соподчиненных единиц природного районирования и морфологии ландшафтов, а также к выделению ключевых ступеней (фация—ландшафт—ландшафтная сфера) в ландшафтной иерархии. Эти схемы являют собой классические примеры концептуализации абсолютного пространства (A2), а наиболее яркий из них — система единиц морфологии ландшафтов Н. А. Солнцева. Согласно учению о морфологии ландшафта, земная поверхность представляет собой мозаику из участков, имеющих различные размеры и внутреннюю сложность, — природных территориальных комплексов. Они при наличии у исследователя определенного опыта уверенно вычленяются во время полевых работ на местности, на материалах дистанционного зондирования Земли и топографических картах, предлагаются к использованию и используются в качестве единиц планировочных мероприятий и управления территорией. Тем не менее все «матрешечные» модели организации ландшафтного пространства представляют собой весьма жесткую схему [6] и являются конструкциями, выстроенными по определенным принципам. В этом отношении интересно высказывание немецкого географа Г. Харда, сделанное им еще в начале 1970-х гг. и направленное на критику географов-ландшафтоведов середины XX в. Хард полагал, что они перестали различать язык науки и язык наблюдения и буквально видели то, о чем говорили им их теории. «Здесь то, что выдавалось за „непосредственные наблюдения“ (вроде того, что вот там-де проходит граница ландшафта, а вот тут — пространство ландшафта), часто оказывалось аббревиатурой очень сложных теоретических высказываний и предпосылок. Специалист по ландшафту некоторым образом жил в мире, где нередко полагал возможным непосредственно наблюдать и даже невооруженным глазом «видеть» столь сомнительные теоретические конструкты, как геотопы, геофакторы и ландшафты» (цит. по [31]).

Пережитое абсолютное пространство (A3) наиболее наглядно реализуется в российской ландшафтной традиции через пейзажную трактовку ландшафта. Ее иллюстрируют слова В. П. Семенова-Тян-Шанского: «Жизненные элементы Земли, сконцентрированные на определенном пространстве, сочетаются всегда естественным образом в определенную, гармоничную, закономерную картину, составляющую типичный для данной местности географический ландшафт или пейзаж» [25, с. 52]. Н. М. Дронин метко замечает, что ландшафт в таком случае выявляется не путем анализа скрытых взаимосвязей между его элементами, а может быть «схвачен» непосредственно, визуально как гармоническое единство, т. е. пейзаж [5]. Схожие взгляды находим у О. Шлютера, который, по словам А. Геттнера, исходит из понятия ландшафта, каким он представляется взору, и ограничивает географическое рассмотрение предметами, которые находят себе выражение во внешнем виде ландшафта [4]. Позд-

нее «сакральное и эстетическое смысловозвертывание ландшафта» (термин Ю. Г. Тютюнника [30]) отмечается у Г. Харда, который считает, что ландшафт в первую очередь эстетический феномен, открывающийся глазам больше, чем разуму, больше связанный с сердцем, душой, настроением, чем с интеллектом (цит. по [31]).

Релятивное пространство (**Б**) ассоциируется со сравнительно-географическим методом и восходит к К. Риттеру, утверждавшему, что географические науки имеют дело главным образом с пространствами земной поверхности в их земном заполнении, т. е. описаниями отдельных местностей и их пространственными соотношениями (цит. по [4]), и А. Геттнеру: «Подобно тому как история должна рассматривать характер отдельных эпох, так и география должна рассматривать характер областей и местностей...» [4, с. 114]. У последнего оно нашло воплощение в хорологической концепции. Геттнер прямо говорит, что география базируется на двух типах отношений. Первое основано на том, что «ни одно явление на земной поверхности не должно мыслиться само по себе, оно становится понятным только путем установления его положения относительно других частей земли» [4, с. 119]. Второе — это «причинная связь между соединенными на одном месте земли различными царствами природы и их различными явлениями. Явления, которые лишены подобной связи с другими явлениями той же самой области земли, или связи которых мы не познали, не входят в область географического рассмотрения» [4, с. 119]. В конце концов, Геттнер резюмирует: «Цель хорологической концепции есть познание характера стран и местностей, исходящее из понимания сосуществования и взаимодействия различных царств природы и их различных форм, а также познание всей земной поверхности в ее естественном расчленении на части света, страны, ландшафты, местности» [4, с. 120]. Исходя из сути последних высказываний мы вправе придавать хорологической концепции Геттнера ландшафтный смысл и отнести ее в матрице Харви к релятивному материальному пространству (**Б1**).

Вероятно, в эту же ячейку матрицы можно поместить и типологическую трактовку ландшафта Н. А. Гвоздецкого: ландшафт — это определенного характера местность (тип территории) и используется для обозначения однородных участков самых разных размеров [3]. Согласно этой трактовке, к одному ландшафту или типу территории относятся территориально разрозненные, но сходные относительно однородные участки (пустынный, степной, лесной ландшафт), каждый из которых может быть понят и охарактеризован исключительно через его релятивную позицию по отношению к другим.

Результатом концептуализации отношений между массивом эмпирических данных, а в нашем случае — между различными ландшафтными выделениями, становится группировка их на основе признаков, отражающих сущностные свойства этих выделов, иначе — типологическая классификация. Типологические ландшафтные классификации, находящиеся в рамках релятивного концептуализированного пространства (**Б2**), как правило, многоступенчатые (классификация ландшафтов В. А. Николаева [19], ряд геомеров в двухрядной классификации В. Б. Сочавы [28]), и мы можем построить различные карты релятивных ландшафтов по признакам, значимым на той или иной ступени: ландшафты тундровые, лесные, степные или ландшафты низко-, средне-, высокогорные.

Переживается — значит оценивается. Релятивное пережитое пространство (**Б3**) связано с проектно-оценочной интерпретацией ландшафта. Культур-

ный — акультурный, красивый — некрасивый, пригодный — непригодный ландшафт — все эти и другие оценки субъективны и в лучшем случае осуществляются на основе принятых обществом нормативов (например, ПДК) нередко для «усредненного» человека (пейзажная ценность). В рамки этой модальности можно поместить, например, геоэкологическую (аксиологическую) трактовку культурного ландшафта, развиваемую В. А. Николаевым. Согласно данной трактовке, культурными можно называть те ландшафты, которые отвечают высоким экологическим требованиям рационального природопользования и соответствуют следующим субъективным критериям: а) гармонизация природной, социальной и производственной подсистем; б) оптимальное и устойчивое функционирование; в) минимизация деструктивных процессов; г) здоровая среда обитания; д) наличие постоянного мониторинга; е) антропогенная регуляция, охрана и уход; ж) высокое художественное достоинство пейзажного облика [20].

Другой пример понимания ландшафта в рамках модальности релятивного пережитого пространства приводит известный немецкий и американский психолог К. Левин, принимавший участие в Первой мировой войне. В статье «Военный ландшафт» он показательно демонстрирует, какое значение имеет пережитый опыт в формировании представлений о ландшафте. Выразительно описывая ландшафт боевых действий, он заостряет внимание на том, что его персональный взгляд на структуру ландшафта, являющийся взглядом артиллериста, будет отличаться от взгляда пехотинца [15]. Следует, правда, отметить, что, комментируя Левина, А. Ф. Филиппов делает заключение, что восприятие не пассивно, оно вбирает лишь то, на что был направлен вышколенный практикой, а значит и потребной для этой практики теорией взгляд. Таким образом, несомненность пространства как переживания обусловливается спецификой концептуализированного взгляда [31].

Зачатки реляционных представлений (**В**) обнаруживаются еще в классическом ландшафтоведении. Каждое место в пространстве может быть описано одновременно через принадлежность к форме рельефа, почвенной разности и растительной ассоциации, а ландшафт — через сочетание форм рельефа, почвенных разностей и растительных ассоциаций. И именно то, что границы компонентов ландшафта нередко не совпадают, явилось одной из причин возникновения представлений о полиструктурности (полиморфизме) ландшафтного пространства. Так, согласно В. Н. Солнцеву, внутренняя организованность любого естественно-географического тела подчинена трем относительно независимым полям — биоциркуляционному, геοциркуляционному и геостационарному. Они работают на разных частотах, формируя на земной поверхности самостоятельные структуры: геостационарное поле Земли — единый пространственно масштабный ряд форм рельефа, геοциркуляционное поле — материковые секторы, ландшафтные катены, геохимические ландшафты, биоциркуляционное поле — природные зоны и высотные пояса [26] (**В1**).

Попытки концептуализации представлений о том, что процессы задают свою собственную пространственную рамку (**В2**), привели к появлению в ландшафтоведении таких понятий, как парциальные геосистемы и факторально-динамические ряды элементарных геосистем. Наиболее завершенную форму факторальный подход получил у В. Б. Сочавы [28] и представителей его школы. Так, А. А. Крауклис выделял пять основных направлений изменений природных условий от планетарно-региональной нормы (плакора) в зависимости от гипертрофированного влияния какого-то фактора. Им соответству-

ют сублитоморфный, субгидроморфный, субкриоморфный, субстагнозный и субпсаммоморфный факторально-динамические ряды [14]. Продолжая эту мысль, В. С. Михеев приходит к представлению о ландшафте как о системе систем различного качества — полигеосистеме. Одним из ключевых пунктов полисистемного анализа ландшафта он считает функционально-типологическую систематизацию, т. е. построение отношений на основе внутренних связей и взаимодействий. Например, урочища предлагается выделять не как морфологические сочетания фаций, а как геосистемы, образуемые несколькими закономерно сопряженными рядами фаций [18]. Исходя из реляционных представлений, согласно которым пространство не существует вне процессов, которые его определяют, можно заключить, что ландшафт не может быть понят вне структурных и функциональных отношений между элементами разной природы.

С другой стороны, если рассматривать ландшафт (культурный ландшафт) как земное пространство, освоенное одновременно утилитарно, семантически и символически [10], т. е. уже не только как географическое понятие, а как некую специализированную форму отношения человека к миру, в том числе определенное художественно-эстетическое отношение, и в то же время как «эстафету поколений» [12], то такой ландшафт становится социально обозначенным [2]. А значит, он будет ландшафтом ощущений, воображения, эмоций. Ландшафтное пространство, в таком случае, понимается как сфера и универсальная культурно-историческая форма бытия культуры [9]. Но поместить какой-нибудь национальный ландшафт в абсолютное пространство, как и коллективную память [30], однозначно расположив на какой-либо сетке или карте, невозможно, поэтому в таком случае мы имеем ландшафт реляционно-го пережитого пространства—времени (ВЗ).

Заключение. Таким образом, преломляя размышления Д. Харви о пространстве применительно к ландшафту, можно констатировать следующее. Вопрос о том, что такое ландшафт, следует заменить вопросом: каким образом различные человеческие практики создают и используют различные концептуализации ландшафта? Большинство профессиональных исследователей, несмотря на то что опираются на какую-то конкретную трактовку ландшафта, в своей работе и в размышлениях время от времени обращаются к различным модальностям. Ландшафтная концепция слишком удобна для множества человеческих практик. Поэтому рассмотрение ландшафта в контексте различного понимания пространства только обогащает эту концепцию.

Список литературы

- [1] Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975. 288 с.
- [2] Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- [3] Гвоздецкий Н. А. Ландшафтная карта и схема физико-географического районирования Закавказья // Ландшафтное картографирование и физико-географическое районирование горных областей. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 97—119.
- [4] Геттнер А. География: ее история, сущность и методы. Л.; М.: Госиздат, 1930. 416 с.
- [5] Дронин Н. М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900—1950-е годы). М.: ГЕОС, 1999. 232 с.
- [6] Дьяконов К. Н., Пузаченко Ю. Г. Теоретическое положение и направления исследований современного ландшафтоведения // География, общество, окружающая среда.

- Т. 2. Функционирование и современное состояние ландшафтов. М.: ИД «Городец», 2004. С. 21—35.
- [7] *Иванов О. И.* Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 49—64.
 - [8] *Исаченко А. Г.* Развитие географических идей. М.: Наука, 1971. 416 с.
 - [9] *Каганский В. Л.* Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 134—145.
 - [10] *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62—70.
 - [11] *Каганский В. Л.* Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4(5). С. 26—40.
 - [12] *Калинина Г. Н., Тикунова С. В.* Концепт «культурный ландшафт»: философско-культурологическая экспликация // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2016. № 17 (238), вып. 37. С. 105—110.
 - [13] *Коломыц Э. Г.* Полиморфизм ландшафтно-зональных систем // Изв. РАН. Сер. географ. 1999. № 6. С. 21—31.
 - [14] *Крауклис А. А.* Проблемы экспериментального ландшафтоведения. Новосибирск: Наука., 1979. 233 с.
 - [15] *Левин К.* Военный ландшафт // Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 87—93.
 - [16] *Лидов В. П.* Из опыта работы по ландшафтному картированию Приокско-террасного государственного заповедника // Вопр. географии. 1949. Вып. 16. С. 179—190.
 - [17] *Мильков Ф. Н.* О понятии физико-географического ландшафта и системе ландшафтных единиц // Лесостепь Русской равнины: Опыт ландшафтной характеристики. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 5—25.
 - [18] *Михеев В. С.* Ландшафтно-географическое обеспечение комплексных проблем Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 208 с.
 - [19] *Николаев В. А.* Проблемы регионального ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ, 1979. 160 с.
 - [20] *Николаев В. А.* Культурный ландшафт — геоэкологическая система // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2000. № 6. С. 3—8.
 - [21] *Преображенский В. С.* Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // Структура, функционирование, эволюция природных и антропогенных ландшафтов: Тез. докл. X Ландшафтной конф. СПб., 1997. С. 3—4.
 - [22] *Преображенский В. С., Макаров В. З.* Развитие ландшафтоведения в СССР. М.: ВИНТИ, 1988. 200 с.
 - [23] *Раман К. Г.* Пространственная полиструктурность топологических геокомплексов и опыт ее выявления в условиях Латвийской ССР. Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1972. 48 с.
 - [24] *Ретеюм А. Ю.* Положение ландшафтной теории и путь ее обновления // Структура, функционирование, эволюция природных и антропогенных ландшафтов: Тез. докл. X Ландшафтной конф. СПб., 1997. С. 4—7.
 - [25] *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. М.; Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
 - [26] *Солнцев В. Н.* Структурное ландшафтоведение: основы концепции // Структура, функционирование, эволюция природных и антропогенных ландшафтов: Тез. докл. X Ландшафтной конф. СПб., 1997. С. 11—14.
 - [27] *Солнцев В. Н.* Итоги и очередные задачи советского ландшафтоведения // Вопр. географии. 1949. Вып. 16. С. 3—10.
 - [28] *Сочава В. Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.

- [29] *Сухова Н. Г.* Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л.: Наука, 1981. 212 с.
- [30] *Тютюнник Ю. Г.* Философия географии. Киев: Издательско-печатный комплекс университета «Украина», 2011. 204 с.
- [31] *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 273 с.
- [32] *Харви Д.* Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. С. 10—38.
- [33] *Хорошев А. В.* Полимасштабная организация географического ландшафта. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 416 с.
- [34] *Черных Д. В.* О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 4 (21). С. 63—72.

Поступило в редакцию
25 мая 2018 г.

Landscape determination as reflection of space determination (reading D. Harvey's matrix)

© D. V. Chernykh

Institute for Water and Environmental Problems,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia
Altai State University, Barnaul, Russia
E-mail: chernykhd@mail.ru

The landscape concept is one of the most attractive forms for representation of spatially distributed information. For a long time, Soviet/Russian science associated the term «landscape» with the landscape geography, which was considered as a branch of physical geography. Currently, it becomes evident that the concept of landscape refers to the concept of general culture, and the scientific understanding is only a part of general culture. An attempt to place the existing author's modalities within the framework of landscape concepts in the D. Harvey's matrix is made. He positions the threefold division of absolute, relative and relational space-time up against the tripartite division of experienced, conceptualized and lived space. Consideration of combinations that occur in different points of intersection in the matrix is useful for the understanding of articulation and development of the landscape concept.

Key words: landscape, space, modality, D. Harvey's matrix, landscape hierarchy, classification, regionalization.

References

- [1] *Armand D. L.* Nauka o landshafte. M.: Mesl, 1975. 288 s.
- [2] *Burd'e P.* Sotsiologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993. 336 s.
- [3] *Gvozdet'skiy N. A.* Landshaftnaya karta i shema fiziko-gtograficheskogo rayonirovaniya Zakavkaz'а // Landshaftnoe kartografirovaniye i fiziko-gtograficheskoe rayonirovaniye gornyh oblastej. M.: Izd-vo MGU, 1972. S. 97—119.
- [4] *Gettner A.* Gejgrafiya ee istoriya, suschnost' i metody. L.; M.: Gosizdat, 1930. 416 s.
- [5] *Dronin N. M.* E'vol'yuciya landshaftnoj koncepcii v russkoj i sovetskoj fizicheskoy geografii (1900—1950-e gody). M.: GEOS, 1999. 232 s.
- [6] *D'akonov K. N., Puzachenko Yu. G.* Teoreticheskoe polozhenie i napravleniya issledovaniy sovremennogo landshaftovedeniya // Geografiya, obshchestvo, okruzhayushchaya sreda. T. 2. Funkcionirovaniye i sovremennoye sostoyaniye landshaftov. M.: ID «Gorodets», 2004. S. 21—35.

- [7] *Ivanov O. I.* Social'noye prostranstvo kak ob'ekt nauchnogo izucheniya i upravlyaemoj transformacii // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2013. N 2. S. 49—64.
- [8] *Isachenko A. G.* Razvitie geograficheskikh idej. M.: Nauka, 1971. 416 s.
- [9] *Kaganskij V. L.* Landshaft i kul'tura // *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. N 1. S. 134—145.
- [10] *Kaganskij V. L.* Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v rossijskoj geografii // *Observatoriya kul'tury*. 2009. N 1. S. 62—70.
- [11] *Kaganskij V. L.* Issledovanie rossijskogo kul'turnogo landshafta kak celogo i nekotorye ego rezul'taty // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. 2011. N 4(5). S. 26—40.
- [12] *Kalinina G. N., Tikunova S. V.* Koncept «kul'turnyj landshaft»: filosofsko-kul'turologicheskaya e'ksplikaciya // *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 2016. N 17 (238), vyp. 37. S. 105—110.
- [13] *Kolomyc E'. G.* Polimorfizm landshaftno zonal'nyh sistem // *Izv. RAN. Seriya geograf.* 1999. N 6. S. 21—31.
- [14] *Krauklis A. A.* Problemy e'ksperimental'nogo landshaftovedeniya. Novosibirsk: Nauka, 1979. 233 s.
- [15] *Levin K.* Voennyj landshaft // *Dinamicheskaya psihologiya*. M.: Smysl, 2001. S. 87—93.
- [16] *Lidov V. P.* Iz opyta raboty po landshaftnomu kartirovaniyu Prioksko-terrasnogo gosudarstvennogo zapovednika // *Vopr. geografii*. 1949. Vyp. 16. S. 179—190.
- [17] *Mil'kov F. N.* O pon'atii fiziko-geograficheskogo landshaftai sisteme landshaftnyh edinic // *Lesostep' Russkoj ravniny: Opyt landshaftnoj harakteristiki*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1950. S. 5—25.
- [18] *Miheev V. S.* Landshaftno-geograficheskoye obespechenie kompleksnyh problem Sibiri. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1987. 208 s.
- [19] *Nikolaev V. A.* Problemy regional'nogo landshaftovedeniya. M.: Izd-vo MGU, 1979. 160 s.
- [20] *Nikolaev V. A.* Kul'turnyj landshaft — geoe'kologicheskaya sistema // *Vestn. MGU. Ser. 5. Geografiya*. 2000. N 6. S. 3—8.
- [21] *Preobrazhenskij V. S.* Ostrye problemy landshaftovedeniya na rubezhe vekov // *Struktura, funkcionirovanie, e'volyuciya prirodnyx i antropogennyx landshaftov: Tez. X Landshaftnoj konf. M.; SPb., 1997. S. 3—4.*
- [22] *Preobrazhenskij V. S., Makarov V. Z.* Razvitie landshaftovedeniya v SSSR. M.: VINITI, 1988. 200 s.
- [23] *Raman K. G.* Prostranstvennaya polistrukturnost' topologicheskikh geokompleksov i opyt ee vyavleniya v usloviyah Latvijskoj SSR. Riga: Izd-vo Latv. un-ta, 1972. 48 s.
- [24] *Reteyum A. Yu.* Polozhenie landshaftnoj teorii i put' ee obnovleniya // *Struktura, funkcionirovanie, e'volyuciya prirodnyx i antropogennyx landshaftov: Tez. X Landshaftnoj konf. M.; SPb., 1997. S. 4—7.*
- [25] *Semenov-Tyan-Shanskij V. P.* Rajon i strana. M.; L.: Gosizdat, 1928. 311 s.
- [26] *Solncev V. N.* Strukturnoe landshaftovedenie: osnovy koncepcii // *Struktura, funkcionirovanie, e'volyuciya prirodnyx i antropogennyx landshaftov: Tez. X Landshaftnoj konf. M.; SPb., 1997. S. 11—14.*
- [27] *Solncev N. A.* Itogi i ocherednye zadachi sovetskogo landshaftovedeniya // *Vopr. geografii*. 1949. Vyp. 16. S. 3—10.
- [28] *Sochava V. B.* Vvedenie v uchenie o geosistemah. Novosibirsk: Nauka, 1978. 319 s.
- [29] *Suhova N. G.* Razvitie predstavlenij o prirodnom territorijal'nom komplekse v russkoj geografii. L.: Nauka, 1981. 212 s.
- [30] *Tyutyunnik Yu. G.* Filosofiya geografii. Kiev: Izdatel'skij dom universiteta «Ukraina», 2011. 204 s.
- [31] *Filippov A. F.* Sociologiya prostranstva. SPb.: Vladimir Dal', 2008. 273 s.

- [32] *Harvi [Harvey] D.* Prostranstvo kak klyuchevoe slovo // *Topos*. 2011. N 1. S. 10—38.
- [33] *Horoshev A. V.* Polimasshtabnaya organizatsiya geograficheskogo landshafta. M.: To-
varischestvo nauchnyh izdanij KMK, 2016. 416 s.
- [34] *Chernyh D. V.* O granicah landshafta: neortodoksal'nyj vzglyad fiziko-geografa // *Me-
zhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. 2015. N 4 (21). S. 63—72.
-